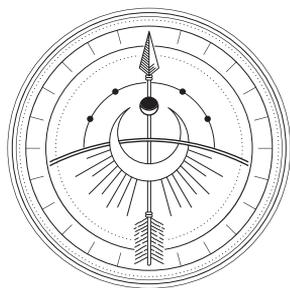

КРАСНЫЕ
ЛУНЫ
КВЕРТИНДА

МЕНТОР ЧЕРНОГО ПАУКА
ОРДЕН КРОНА. БАНДА ИЗГОВЕВ

ПРОЛОГ

Капли с неба начали падать на двадцать восьмой ступени пути к Преторию.

Йоллу, лу-лу, спрятал пергаментный свёрток под свой бархатный камзол. О, что это был за камзол! Настоящая форма служащих Претория, расшитая золочёной нитью и украшенная булавкой с весами — символом главного консульства. Мягкая бордовая ткань всегда благородно лоснилась на утреннем солнце, но именно сегодня мгновенно покрылась мокрыми крапинками. Йоллу возмущённо зафыркал: он не был уверен, что его чудесная одежда должна спасать свёрток от дождя, а не наоборот. Но расстраивать хозяина не хотелось. Великий Консул и так часто расстраивался в последнее время, лу-лу.

Утром хозяин попросил принести мятного масла, чтобы облегчить видения, и Йоллу был вынужден снова идти к сморщенному аптекарю. Этот алхимик поглядывал на серьёзного рудвика свысока, даже надевал на нос маленькие стёкла, как будто Йоллу мог от этого вырасти. Чепуха на постном масле, лу-лу! Рудвики всегда оставались маленькими — в половину человеческого роста. И удивительно круглыми. Потому что все необходимые для жизни органы у них помещались в одном огромном животе.

На тридцать пятой ступени у Йоллу зачесалось ухо. Такое же прекрасное, как и живот, пушистое, треугольное, с кисточкой на конце. Роскошное ухо, лу-лу! Одно из двух. Настоящее украшение, из-за которого лишённые шерсти люди страшно завидовали мохнатой расе.

Когда-то давным-давно рудвики практически вымерли. Маленький безобидный народец не мог противостоять чудовищам, болезням и войнам, поглотившим мир в тёмные времена. Но Тибр Иверийский — основатель династии правителей королевства Квертинда — позволил рудвикам жить в человеческом мире и поль-

зоваться их милостью. С семьдесят восьмой ступени Йоллу, лу-лу, как раз мог разглядеть его статую. Огромный каменный Тибр утопал в округлом эркере там, где кончались ступени. На мраморной голове красовался простой тонкий обруч, исписанный символами. В одной руке правитель держал копьё, в другой — прозрачный шар.

Никто не помнил точно, что Тибр Иверийский должен был показывать горожанам и путешественникам, но Йоллу, лу-лу, всегда по-своему понимал молчаливого короля. Он как будто говорил: «Видишь, Йоллу, большая палка так же важна, как и маленький пузырь, лу-лу». И Тибр не обманывал. Рудвики всегда распознавали обман и иллюзии.

На девяносто пятой ступени рудвика нагнал один из консулов Претория — Его Милость Гвелейд Дилз. В отличие от Йоллу, лу-лу, Гвелейд Дилз был человеком. Как говорил хозяин, очень дипломатичным. Йоллу подумал, что это всё из-за его прекрасной шапки. Маленькая, круглая, она походила больше на аппетитный блинчик, надетый на лысеющую голову. В шапках Йоллу понимал не меньше, чем в большой дипломатии. То есть очень много, лу-лу. Да и сам консул был прелесть как хорош: немногим выше рудвика, с таким же красивым, большим и круглым животом.

— А-а, Йоллу! — воскликнул консул. — Как чудесно, что я тебя встретил!

Йоллу тоже обрадовался встрече, охотно закивал в знак приветствия и приготовился слушать. Это была его обязанность — слушать и передавать хозяину.

— Ты непременно должен передать Его Милости Камлену, что внешняя политика требует безотлагательного вмешательства, — продолжал Гвелейд, торопливо поднимая полы бордовой мантии и поспевая за шагом рудвика. — Да-да, непременно! У меня есть сведения, что Веллапольское княжество планирует военную кампанию. Хотят вернуть земли Галиофа! Они так и не простили нам это завоевание. Я отбываю туда завтра, с торговой шхуной. Такая спешка мне уже не по летам, но я верен королевству Квертинда до последнего вздоха! — Консул смахнул влажные капли с блестящего лба. — Необходимо убедить веллапольцев начать переговоры и пригласить с официальным визитом. В нашей нынешней ситуации мы не можем позволить себе войну, друг мой, никак не можем.

Консул Дилз остановился, перевёл дыхание и обернулся.

За каскадом ступеней, внизу, просыпалась и шумела столица, наполняя улицы и мосты ещё сонными людьми.

— Ваше обращение принято, — уведомил Йоллу, в знак почтения задержавшись рядом с приятным мужчиной.

Оба служителя Претория уже преодолели лестницу и теперь стояли на самом верху, у ног статуи первого короля Квертинда. Менее важные верноподданные мельтешили у подножия ступенчатого пьедестала, прибавляя рудвику ещё больше самодовольства.

— Мы стоим на последней ступени, — мудро заключил консул и взгляделся в белокаменные резные здания таким взглядом, каким, бывало, хозяин смотрел в будущее. Но быстро отвлекся, чтобы потрепать Йоллу за ухо. От зависти, конечно.

— Да, — снисходительно согласился пушистый секретарь.

— А ты знаешь, почему их сто двенадцать, Йоллу? — уже весело спросил Гвелейд Дилз.

— Так построили строители, лу-лу.

Консул улыбнулся.

— Сто двенадцать ступеней — ровно по числу страшных лет грабежей, бесчинств и увядания нашего королевства. Мы проделали долгий путь. Долгий путь — к Тибру, закону и справедливости, — его милость указал на статую, утопленную в здании Претория. — Боюсь, всё это может повториться. Тёмные времена нынче настали, Йоллу, снова тёмные. Без правителя Квертинд катится прямо в пекло Толмунда.

Йоллу знал Толмунда. Кровавый бог, покровитель страшной магии и мучитель душ. К нему в пекло не хотелось, лу-лу. Даже упоминать его было страшно. Перед глазами сразу же возникали реки огня, стоны грешников и кровавые моря. Немедленно потянуло спрятаться за высокими мраморными стенами Претория, в которых никогда не бывало жарко.

— Я передам всё важное! — брякнул рудвик и трусливо посетил к входу, ныряя под светлую арку.

Гвелейд Дилз только и успел бросить вслед короткое прощание.

Преторий успокоил Йоллу привычной прохладой и мягким светом. Внутри суетливо сновали служащие в бордовой одежде с неременной застёжкой в виде весов, толпились посетители, шелестели пергаменты. От утренней возни рудвик расслабился и легко забыл о пекле.

Важный маленький служитель миновал зал ожидания, подошёл к охранной арке и проверил свой отличительный знак кон-

сульства. Брошка-весы оказалась на месте, и рудвик смело шагнул под магический свод. Позолоченная булавка нагрелась и на миг вспыхнула оранжевым светом. Крохотный отблеск от брошки стал резко расти и расширяться, окутывая приземистое пушистое тело. Как только световая оболочка замкнулась, она мгновенно исчезла. Йоолу при этом ничего не почувствовал, лу-лу. Это была охранная магия, позволяющая заходить в Преторий без приглашения только его служащим. Весьма значительным представителям правитель-ства, каким был и сам Йоолу. Лу-лу.

— Добро пожаловать в Преторий! — с белозубой улыбкой отчеканила девушка в таком же бордовом камзоле, какой был на самом Йоолу. — До совета консульства осталось сто семь дней, пять часов и три минуты.

«Странная у неё работа», — в очередной раз подумалось Йоолу. Некоторые посмеивались над рудвиком из-за того, что он всего лишь посыльный, выполняющий мелкие поручения. Но это работа, которую должен был кто-то выполнять. А улыбчивая барышня просто стоит у входа и говорит то, что и так знает каждый служащий Претория. Не работа, а белиберда на пустом бульоне, лу-лу.

С такими мыслями рудвик бойко миновал большой и шумный внутренний холл, прошёл мимо Зала Верховного Совета Претория, прошлёпал вдоль колонной аркады и устремился в глубь консульства — туда, где обитал главный здесь человек.

У высокой двери Йоолу огляделся, поглаживая свёрток с лекар-ствами, и привычно дёрнул золочёную ручку. Тихонько юркнул в кабинет Великого консула и молчаливой тенью застыл у входа.

У Камлена был посетитель. Йоолу сначала даже возмутился, лу-лу, что кто-то посмел войти без его личного ведома, но решил не вмешиваться в беседу.

Гости у хозяина бывали редко. Если не сказать — почти никогда. Для всех бесед существовал Йоолу, рудвик-секретарь Его Милости. Как и для остальных человеческих нужд. Великий консул Камлен Видящий уже давно не покидал своего кабинета, в котором жил последние несколько лет.

Кабинет служил Камлену и спальней, и умывальней, и цирюль-ней, и даже иногда курительной. Отчего вид имел соответству-ющий: бордовые портьеры на окнах едва пропускали утренний свет, тяжёлая люстра покрылась слоем пыли, а золочёные короны на высоких карнизах потускнели и облупились. На резных столи-

ках и тумбах возвышались горы канцелярского хлама вперемешку с бытовой утварью, а по углам ютилась паутина.

Те счастливики, которым всё-таки удалось попасть к Камлену лично, обычно брезгливо морщились и даже позволяли себе отчитывать Йоллу за бесхозяйственность, но рудвик знал, что это всё пустяки на кислой бражке, лу-лу!

Затевая уборку, Йоллу чувствовал, что рождён для большего, поэтому особенно не утруждался. Тем более что хозяин давно ослеп и никогда не попрекал Йоллу беспорядком. Для Великого консула Камлена Видящего было важно только одно: чтение. Престарелый прорицатель нежно любил книги и собирал их в своём жилом уголке Претория с особым рвением. Оттого до самого потолка по всем кабинетным стенам тянулись шкафы, забитые тугими свёртками и древними фолиантами.

С тех пор как Великий Консул перестал различать буквы, чтением ведал Йоллу. Пушистый секретарь декламировал хозяину важные донесения, документальные сведения, великие истории, но в последнее время Камлен всё больше предпочитал сказки.

О, шкаф со сказками был любимым у Йоллу, лу-лу! Во-первых, в детских историях всё всегда непременно заканчивалось хорошо, а рудвик любил, когда всё хорошо. А во-вторых, шкаф со сказками таил секретик.

Рудвик сдавленно чихнул и переступил лапами, царапая коготками и без того повреждённый паркет. Кабинет Великого консула для Йоллу был таким же домом, как и для самого Камлена, оттого рудвик знал здесь каждый уголок как свои четыре подушечки на мохнатой лапе.

Сейчас же привычный порядок вещей нарушал посетитель. Он сидел в потёртом кресле напротив хозяина, обнажённый до пояса, и не сводил со старика жёсткого взгляда. Одежда мужчины лежала рядом на полу. Йоллу сразу смекнул, что это значит: ещё один решил испытать судьбу королевским артефактом.

Мужчина коротко мазнул взглядом по рудвику и отвернулся.

Некрасивый был человек, лу-лу. Совсем не похож на премиллого Гвелейда. Некрасивый и страшный. Служитель Толмунда — кровавый маг, один из консулов Верховного Совета королевства. Высокий, с собранными в хвост длинными чёрными волосами. И таким же чёрным взглядом. И чёрными делишками, лу-лу.

Но сильнее всего пугали Йоллу руки кровавого мага с резко выделяющимися тёмными венами. Ладони и предплечья казались

почти чёрными, с редкими просветами светлой кожи. Если смотреть издалека, можно подумать, будто мрачные молнии навечно застыли рисунком на теле консула, лу-лу. Поднимаясь от кончиков пальцев, ломано извиваясь вдоль рук, они охватывали запястья и плечи этого опасного человека и заканчивались одинокими узкими змейками на груди и шее. Одна линия тянулась даже по щеке, истончаясь только к виску кошмарного мага.

Чем дальше рудвик рассматривал его, тем страшнее ему становилось: в мрачных лабиринтах вен чудились то змеи, то кинжалы, то пауки, а иногда даже злое лицо покойной бабушки Йоллу, лу-лу. «Ты неряшливый гадкий слизень с маленьким животиком, лу-лу!» — кричала бабушка. Рудвик вздрогнул и быстро отогнал неприятные воспоминания.

Внимание секретаря привлёк фамильный пергамент, лежащий на столе перед хозяином. Он переливался мягким золотистым светом, как будто в нём проживали немигающие светлячки, лу-лу. Йоллу уже понял, что это всё означает, и надеялся тихонько отсидеться в уголке.

— А вот и мой чудесный помощник. — Камлен хлопнул в ладоши, и рудвик предательски подпрыгнул. — Ну-ка, Йоллу, прочитай мне это. Хотя я и знаю почти наизусть, что написано в этом пергаменте, однако традиция и ритуал должны быть соблюдены.

Уши рудвика нервно задёргались, когда страшный человек остановил свой взгляд на пушистом слугителе, но Йоллу взял себя в лапы. Осторожно стянул пергамент со стола хозяина, выпрямился, чтобы казаться выше, посильнее выпятил живот и принялся торжественно зачитывать:

— Кирмос лин де Блайт, урождённый в сто шестьдесят девятый год от коронации Тибра Иверийского. Консул Верховного Совета королевства Квертинда, наместник полуострова Змеи. Признанный сын Монреда лин де Блайта и Мелинды Блайт, единственный наследник...

Великий консул прервал чтение, выхватив из его лап сверкающий пергамент.

Йоллу, лу-лу, с облегчением вздохнул, потому что читать пришлось бы долго.

— А также бывший экзарх ложи Стязателей, самый могущественный маг королевства, великий воин и весьма амбициозный человек. Что ж, ваши титулы и достижения превосходят самые длинные списки, консул лин де Блайт. Но совсем не таким мне

представляется король, — добавил Камлен и задумчиво почесал седую щетину на щеке. — Вы, должно быть, более чем полностью состоите из войны и магии Толмунда. Ваша сила питается свежей кровью. Что вы видели в своей жизни, кроме битв и смерти? Отец обучал вас военному делу. Наставник — наш погибший король Мирасполь — кровавой магии. Жизнь и опыт — строгой дисциплине и непрерывным сражениям. Но мир — это не только лишения и преодоления. У него есть и другая сторона. Может ли сделать народ счастливым король, который сам никогда не был счастлив? Любили ли вы когда-нибудь, Кирмос?

Кирмос лин де Блайт поднял одну бровь. Он смотрел в белые, подёрнутые мутной пеленой глаза слепого Камлена с насмешкой. Йоллу забеспокоился, лу-лу.

— При всём уважении, Великий консул, вы способны видеть прошлое, будущее и предсказывать события. Ваша мудрость — это множество книг, наполняющих вашу библиотеку, — чёрный консул обвёл руками кабинет. — Но вы слепы. И я говорю не только о глазах. Возраст и годы заточения делают вас чувствительным. — Мужчина сделал снисходительную паузу, но быстро продолжил: — Мир всегда полон войн и страданий. Это его суть. Счастье — погремушка для народа, развлекающая его, как наполненный семенами короб увеселяет младенца. Чувства — это то, что могут позволить себе благородные девы из Мелироанской академии, но никак не правители. Чувства лишают сил и даже жизни. Именно чувства стали причиной гибели Иверийской династии. В ту ночь Лауна и Мирасполь поддались сентиментальности и попросили оставить их наедине — им так хотелось пережить момент простого супружеского счастья. Этим они погубили себя и своего нерождённого сына. Оставшись без охраны, они стали слишком уязвимы, чем и воспользовались мятежники. Великую правящую династию, которая годами справлялась с врагами и невзгодами, победил минутный порыв их же собственных чувств. Что это за счастье такое, которое толкает на неотвратимое безрассудство? Вы обвиняете меня в том, что моя сила питается кровью и требует жертв, но ни одна сила в мире не способна соперничать с жестокими условиями любви. Это самый кровавый и беспощадный монстр из всех мне известных. А я повидал немало тварей и, поймите меня правильно, немало женщин, чтобы выработать в себе устойчивость к этому коварному виду душевного яда. Ду-

маю, только очистив себя от привязанностей, можно сделаться неуязвимым. И сейчас у меня нет слабостей.

В кабинете повисла тишина. Йоллу слышал, как сопит хозяин, застывший, словно вековая статуя. Через мгновение Камлен Видящий резко выдохнул и стал издавать гаркающие звуки, обнажив редкие плохие зубы. Морщины на его щеках стали ещё глубже, подчёркивая непривычную глазу мимику хозяина.

— Ему плохо? — Кирмос лин де Блайт мгновенно растерял насмешливость, насторожился и недоумённо перевёл взгляд на рудвика: — Может, вызвать целителя?

— Нет, лу-лу, — важно ответил Йоллу. — Хозяину сейчас определённо хорошо.

— Это видение? Прорицание? — Мужчина развернулся к Камлену и принялся его внимательно рассматривать.

— Великий консул смеётся, Ваша Милость, — пояснил рудвик. — Смеётся?!

Громкий стук резко оборвал странный смех. Йоллу подпрыгнул от неожиданности, Кирмос лин де Блайт напрягся, готовый к нападению. Камлен ударил ладонью по столу и моментально стал сосредоточенным.

— Что ж, консул лин де Блайт, я принимаю ваше прошение стать правителем нашего королевства. По закону Квертинда вы должны пройти три испытания: испытание войной, испытание династией и испытание изгнанием. Первое вы уже прошли, приняв участие в подавлении восстания Ордена Крона после смерти последних королей Иверийской династии. Порой междоусобные войны, сотрясающие королевство изнутри, — самые губительные. То, что вам удалось с этим справиться пятнадцать лет назад, — невероятное достижение, учитывая ваш возраст на тот момент. Вы оказались очень способным молодым человеком.

— Пожалуй, тогда я и был счастлив, — кивнул Кирмос лин де Блайт. — Война делала меня счастливым.

— Да-да, наверняка, как и всех юнцов. — Камлен Видящий пожевал губами. — Война, вино и женщины. Но теперь вы уже не так молоды и пришли за вторым испытанием. Испытанием династией, которое станет вторым шагом на пути к трону Квертинда. Самым быстрым и однозначным.

— Признаюсь, мне непросто далось это решение, — нехотя поделился чёрный консул. — Как бы то ни было, я подвёл великих правителей. Я был единственным человеком, который мог

уговорить Мирасполя оставить стяжателей для охраны или вовсе послушаться его приказа. Я этого не сделал. Не могу сказать, что не справляюсь с чувством вины, скорее считаю своим долгом убедить хотя бы наследие Иверийской династии. Квертинд и есть их наследие. Но меня не привлекает высшая власть, как вы могли подумать. Напрасно вы обвинили меня в амбициях.

— Я вас этим похвалил! — возразил Камлен.

— Всё равно — напрасно. Пятнадцать лет королевство держится на разделённой власти консулов и на ваших плечах, Камлен. Но с вашей смертью, Великий консул, начнутся распри и разногласия среди Верховного Совета. Мы оба знаем, что это неотвратимо приведёт к краху. Без правителя Квертинд превратится в грудку вековых развалин или станет частью другой империи. Меня не устраивает ни один из вариантов. Я предлагал вам использовать магию крови, чтобы поправить здоровье и продлить жизнь, но вы отказались. Это значит, что ваша скорая кончина неизбежна.

— Ох, Кирмос, я достаточно пожил на этом свете, чтобы уйти. В конце концов, надеюсь, Сады Девейны уже ждут меня. — Великий Консул тяжело поднялся. — Но не сегодня.

Несколько секунд Камлен стоял, опираясь ладонями о стол, и, казалось, вглядывался в собеседника. Потом улыбнулся своим мыслям и снова хлопнул в ладоши:

— Йоллу, друг мой, настало время открыть хранилище реликвий.

Рудвик затрепетал. Хранилище реликвий — самое сердце королевства Квертинд. Входить туда позволялось только Великому консулу и ему, рудвику-секретарю. В такие моменты Йоллу чувствовал себя особенно важным, лу-лу. Видела бы его сейчас бабушка!

Раньше реликвии королевства хранились в Иверийском замке в центре Лангсорта. Но с той самой роковой ночи Красной Луны, когда погибли Лауна и Мирасполь Иверийские, замок закрыли навсегда. Великий консул приказал перенести реликвии в кабинет Претория. С тех пор они покоились в хранилище, открыть которое можно только брошью Великого консула. Хозяин всегда носил её на груди, не снимая даже во сне. Сама брошь была похожа на брошь Йоллу — золочёные весы, только немного крупнее и украшенные двумя драгоценными камнями. На одной чаше лежал синий сапфир, добытый из рудников Галиофских Утёсов в период их завоевания, на другой — красный рубин, подаренный Мелире Иверийской в день её коронации неким амиром Таха-

рии-Хан. «Что бы ты выбрал, Йоллу: красный или синий?» — иногда в шутку спрашивал хозяин, когда они раскуривали баторские благовония. Йоллу выбирал красный, потому что глубоко почитал Мелиру Иверийскую, лу-лу, благодетельницу рудвиков. Хозяин только посмеивался и говорил что-то о выборе между мучительной правдой реальности и блаженной неизвестностью иллюзии. В этом смысле Йоллу был спокоен, лу-лу: зрение рудвиков не позволяло им видеть иллюзии.

Маленький секретарь гордо встал рядом с хозяином и подождал, пока тот закончит с открытием потайной двери. Ждать пришлось недолго — через минуту книжный шкаф со сказками щёлкнул и покорно отъехал в сторону, освобождая проход в крохотную комнату. Йоллу привычно подставил плечо Великому консулу, чтобы тот мог опереться и следовать за рудвиком, но, как и всегда, не смог сдержать трепета: кисточки на ушах мелко задёргались. Ещё бы! В хранилище таились могущественные артефакты, новые и старые. Некоторые были даже древнее Иверийской династии, и их предназначение до сих пор оставалось загадкой. Но для испытания нужен был только один — корона Тибра Иверийского. Та самая, что венчала статую каменного Тибра у входа в Преторий.

Простой обруч выглядел не слишком царственно, по мнению Йоллу, лу-лу. Он был выкован из серого металла, овальной формы, с единственным небольшим выступом у переносицы. По всему периметру были выгравированы символы, значение которых оставалось тайной для всех. Иверийская магия сохранялась только членами династии. Поговаривали даже, что иверийцы не обладали никакой особенной магией, но Йоллу точно знал, что это не так, лу-лу. Несмотря на то что самые сильные маги исследовали обруч и заключили, что он лишён магии, корона Тибра Иверийского работала. И сейчас это предстояло проверить в очередной раз.

— Это корона Тибра Иверийского, основателя династии и мира в королевстве Квертинд! — торжественно объявил Великий консул Камлен и поднял обруч высоко перед собой.

Кирмос лин де Блайт быстро уловил, чего от него ждут, и опустился перед Камленом на одно колено. Йоллу приготовился к любимому зрелищу, лу-лу.

— Я, Великий консул Камлен Видящий, возлагаю на тебя, Кирмос лин де Блайт, бремя власти и могущество правления. Во имя величия и свободы королевства Квертинд, во благо народа его

и процветания. Да примет тебя Иверийская династия! — с этими словами Камлен опустил корону на черноволосую голову мужчины.

Йоллу ждал, но ничего не происходило. От удивления у него расширились глаза, лу-лу. Чёрный человек неподвижно застыл перед хозяином, и на лбу его красовалась корона Тибра Иверийского. Так они стояли какое-то время, пока тишину не нарушил Камлен.

— Хм... что ж, я вас поздравляю, вы прошли испытание, — деловито отвернулся старик, словно подобное происходило каждый день.

— И это всё? — Кирмос лин де Блайт поднялся, снял венец власти и внимательно его изучил. — Вы надели на меня пустой круг из стали и говорите, что я прошёл испытание? А как же смертельная опасность? Меня предупреждали, что во время ритуала я могу погибнуть.

— Это не совсем так. И вы не правы по поводу «пустого круга». Иверийская магия — совершенно особенный вид работы с материями. Ни одному магу так и не удалось её почувствовать. Самые разные и могущественные магистры пытались найти в ней хоть каплю принадлежности к какой-то склонности. Стихийной, ментальной, творческой, кровавой. Даже проводились эксперименты над несчастными, которых заставляли насильно пройти ритуал, чтобы почувствовать присутствие смерти. И — ничего.

— А что стало с теми, кто не проходил ритуал? — Кирмос лин де Блайт начал облачаться обратно в свою чёрную одежду.

— Они просто исчезали. — Слепой старик взмахнул руками. — Растворялись в пространстве, как растворяется дым от свечи. И куда они девались, сами понимаете, никто не знает. Но есть подозрение, что их нет ни в пекле Толмунда, ни в садах Девейны.

— То есть они не мертвы? — Консул лин де Блайт накинул камзол.

— Кто знает, Кирмос, кто знает. Но, поскольку вы всё ещё стоите передо мной, вам это выяснить не удалось. — Великий консул вернулся к своему столу и, кряхтя, опустился в кресло. — Йоллу, принеси-ка мне тигульные чернила, я должен сделать пометку в фамильном пергаменте нашего гостя о том, что он прошёл испытание династией.

Йоллу только сейчас понял, что всё это время практически не двигался и не дышал. Это было удивительно — видеть, как обруч не развеял очередного претендента на престол, лу-лу. На де-

ревянных лапах он прошёл к дальнему шкафчику с чернилами и принёс их хозяину.

Заскрипело перо по фамильному пергаменту Кирмоса лин де Блайта. Тот уже полностью оделся и закрепил высокий ворот серебряной брошью в виде трёх сплетенных хвостами змей. Кровавого мага в нём теперь выдавала единственная тонкая линия на лице, чёрные руки и чёрные же глаза, в которых полностью терялся зрачок. Когда наводящие страх вены-молнии скрылись под камзолом, Йоллу почувствовал облегчение и начал размышлять дальновидно. Вероятно, этот консул-наместник полуострова Змеи — его будущий новый король, рассудил рудвик. Новый король Квертинда. А значит — хозяин его хозяина. Надо бы наладить дружеские связи с этим жутким мрачным магом. Во имя всех рудвиков мира, лу-лу!

Великий консул подул на вензельные строчки, чтобы чернила застыли, свернул листок в трубочку и достал печатный пломбир с весами консульства. Губы старика зашептали заклинание затворения. Когда, наконец, фамильный пергамент был запечатан сургучом и магией, Камлен привычным жестом протянул его рудвику. Йоллу выпятил живот, выставил руки перед собой и с глубоким поклоном принял сверкающий сверток, чем изрядно удивил хозяина. Но Йоллу знал, что делал. Он уже занимался дипломатией, лу-лу: налаживал отношения с будущим королём. Мудрый маленький секретарь неспешно прошагал своими мохнатыми ступнями по истёртому ковру и с таким же глубоким поклоном вручил пергамент Кирмосу лин де Блайту.

— Теперь вы наш новый король, ваша милость, — елеиным голосом произнёс Йоллу. — От имени всех рудвиков Квертинда я вас поздравляю, лу-лу!

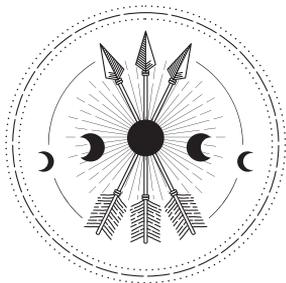
Консул с сомнением посмотрел на Йоллу и взял пергамент.

— Мне осталось ещё одно испытание, — заметил он.

— О, самое простое, лу-лу! — встрепенулся Йоллу. — Для такого мудрого и смелого человека, как вы, прожить два года в удалении, не называя своего имени, — сущий пустяк! Ерунда на жидких сливках!

— Пожалуй, ты прав, рудвик, — согласился кровавый маг. — Я и не думал, что путь к престолу будет таким... лёгким.

На этот раз от гаркающего вороньего смеха Камлена Видящего вздрогнули оба — и Йоллу, и Кирмос лин де Блайт.

ГЛАВА I

ХОРОШИЙ БЫЛ КЕМ

По гладкой поверхности горного озера тянулась розоватая дорожка — предраассветная луна отбрасывала тусклый свет на спящую воду.

Я подняла глаза и посмотрела на неё, на несколько минут заворожённая этим зрелищем. Круглый красный диск был похож на небесную рану, зияющую в небесах и окрашивающую звёзды вокруг в причудливые цвета — багряные, пунцовые, пурпурные. Редкое зрелище. Редкое и по-настоящему прекрасное, которое можно увидеть только раз в год.

Сегодня — Ночь Красной Луны.

Ночь, с которой заканчивается ласковое лето и начинается долгая осень.

Отец рассказывал: старики верили, будто эта ночь особенная, волшебная и опасная. Раньше в такие ночи люди запирались у себя дома, закрывали ставнями окна, чтобы кровавый свет не вторгался в их жизни. Но со временем находилось всё больше смельчаков и романтиков, которые осмеливались выйти, и в конце концов стало ясно: Ночь Красной Луны ничем не отличается от других ночей, белолунных или тёмных.

Кроме одного: пятнадцать лет назад в такую ночь были убиты наши правители, последние из великой Иверийской династии — Мирасполь и Лауна. Это был конец эпохи славных королей и королев, превративших маленький Квертинд в настоящее государство, могущественное и процветающее.

Иверийцы были всемогущими магами, их жизнь была наполнена волшебством и чудесами. В ту ночь, когда их убили, я была ещё совсем малышкой, распугивающей своими крика-

ми рыбу и окрестных животных. Отцу со мной приходилось нелегко...

Я передёрнула плечами от неприятных мыслей. Моего отца, как и знаменитых правителей прошлого, уже не было на этом свете.

Красная Луна продолжала опускаться всё ниже и ниже и теперь своим краем почти касалась верхушек деревьев на горизонте. Повинуясь древним традициям, отец обычно запирал меня дома в эту ночь. В то время как все выходили из своих жилищ, зажигали свечи, отдавая дань памяти мёртвым королям, и шествовали по улицам городов и сёл, маленькая обиженная, я лежала в постели, пытаюсь сквозь закрытые ставни уловить мягкий, необычный свет. Но отец был непреклонен. Молчаливый и застенчивый Кем Горст не любил пышных торжеств и народных гуляний. Он так и прожил всю жизнь в нашем маленьком домике на берегу горного озера под названием Фарелби.

«Люди, Юна, — любил говорить отец, — могут сделать из нас монстров. Они меняют наши решения, наши взгляды и наши мнения. Иногда бывает сложно противостоять их влиянию. И ты неизменно столкнёшься со страшным выбором — между добром и злом, предательством и верностью или даже жизнью и смертью. Но, какой бы выбор ни стоял перед тобой, всегда береги в себе человечность. Она — величайшая из всех магий».

Отец часто рассуждал о людях, которые под влиянием страсти отказывались от своих идей и принципов. Они переставали быть самими собой, совершали чудовищные поступки и падали прямо в бездну Толмунда. Иногда — буквально, то есть умирали и попадали в пекло.

Свою мать я никогда не знала. Отец говорил только, что она была таххарийкой и что он её безумно любил. От неё мне не досталось ни смуглой кожи, ни тёмных вьющихся волос, ни раскосых глаз, свойственных всем выходцам из Таххарии-Хан. Конечно, мне хотелось узнать о ней больше, но разговоры о матери были в нашей семье под запретом.

Да и беседы мы вели редко, предпочитая труд на свежем воздухе. Отец научил меня стрелять из лука и охотиться на кроликов и уток. А на нашем обожаемом озере мы выстроили целую рыболовную империю: сплели лубяные ловушки и установили их в излюбленных рыбой местах. Каждое утро я навещала наши владения, доставала форель, гольцов, тритонов и желтопузиков, чистила и вновь заправляла ловушки приманкой. А потом садилась

